

Михаил Дмитриев

ЦЕЛЬ-МАВЗОЛЕЙ

и далее...

ИЗ МОРОКА ПОСТМОДЕРНА В ОКОПЫ ДОНБАССА

Михаил Дмитриев

**Цель – Мавзолей и далее...
Из морока постмодернизма
в окопы Донбаса**

«Книжный мир»

2016

Дмитриев М.

Цель – Мавзолей и далее... Из морока постмодернизма в окопы Донбаса / М. Дмитриев — «Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0812-1

Сейчас редко встретишь книгу, посвященную жизненному пути нашего современника. Видимо, еще не настали времена новых Шолоховых и Фадеевых, способных творчески осмыслить тот великий перелом, что прошел по хребту России в 90-е годы. Тем ценнее повесть Михаила Дмитриева, в которой отражены реалии прошедшей четверти века, от постперестроечных «жмурок» до крымской виктории и обороны Донбасса. Тема книги извечна как Божий мир: душа – поле битвы между добром и злом. Как смог человек, которого весь мир пытался задушить в коварных объятиях алчности и жестокости, вырваться из омута своих страстей, победить их и подняться до подвига, выше которого нет на Земле: положить жизнь свою за ближних своих. История героя этой книги подобна истории всей постсоветской России: от бандитских разборок и коммерческих гешефтов – к пробуждению патриотизма и духовному воскресению. Когда-то Николай Островский написал, как закаляется сталь. Михаил Дмитриев написал, как воскресает русский человек и совершает Поступок: с московской мостовой шагает в бессмертие вечной жизни.

ISBN 978-5-8041-0812-1

© Дмитриев М., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Дмитриев

Цель – Мавзолей и далее...

Из морока постмодерна в окопы Донбасса

Глава I

...Наступят времена, когда развращение и упадок нравов молодых достигнут последних пределов. Почти не останется нерастленных.
Серафим Вырицкий (1866–1949)

...роскошь утешает одну бедность и то с непривычки, на одно мгновение
А.С. Пушкин

«Интересно, – подумал Максим, – как оказалась эта картина в таком месте? Обычно в номерах старых отелей висят примитивные пейзажи, в новых – сюрреалистическая бессмыслица... А здесь, в люксе «Савоя» – «Ледовое побоище».

Пытаясь согнать хмель, Максим внимательно рассматривал картину. На переднем плане были изображены русские ратники: разного возраста, от старца до юнца, по-разному вооруженные и одетые, они в напряжении ждут удара несущейся прямо на них громады закованных в броню конных крестоносцев. Между русским войском и рыцарями осталась полоска льда метров в пятьдесят, уже можно различить кресты на белых одеяниях и рога на отдельных ведрах-шлемах. Армада крестоносцев заслонила собой весь горизонт. Через какое-то мгновение под серым, сырым весенним небом произойдет столкновение. Ратники в колоссальном напряжении, затаив дыхание, его ждут. Ждет и Александр Невский. Молодой полководец сидит на коне под хоругвью с изображением Пресвятой Богородицы. Весенний ветер волной развеивает полотно с чудесным ликом и дышит сырым холодом в остекленевшие глаза воинов.

«Да... сильная картина... хорошо передано напряжение. Передние ряды однозначно смертники, но лучше умереть так, в бою, чем дряхлым, больным стариком на затхлой постели», – размышлял Максим. Услышав за спиной скрип двери, он оглянулся на девушку.

Она как раз вышла из ванной комнаты, где восстановила утраченный макияж и оделась. Максим еще раз оценил ее редкую красоту, а также платье, которое поначалу толком и не разглядел: черное по колено из шерстяной ткани классического кроя и вместе с тем очень кокетливое. Основной шарм этого платья открывался сзади: покрытая черно-серыми куртуазными узорами прозрачная материя изящно обнажала спину и таила в себе что-то очень притягательное и женственное. Стройные ноги девушки обтягивали плотные черные колготы, маленькая ножка была обута в черные изящные замшевые ботильоны.

В руках она держала большую смоляного цвета сумку известной дорогой марки. Максим между тем был еще в белых махровых гостиничных халате и тапках. Короткостриженный, коренастый, он принадлежал к тому типу ухоженных, следящих за собой мужчин, чей возраст не просто определить, то ли им тридцать лет, а то ли, при ближайшем рассмотрении, и все сорок.

– А ты рано собралась, – сказал Максим, – я еще хочу выпить!

– Как скажешь, мой повелитель! – ответила девушка, хорошо зная силу своих кошачьих зеленых окуляров, она томно и вместе с тем с иронией посмотрела на Максима, – желаешь выпить? Выпьем!

– С чувством юмора у тебя все в порядке! – сказал Максим. – Однако, новый менеджер меня надул. Говорил, что в теме ты недавно, а я вижу матёрого профессионала, коварную соблазнительницу и куртизанку!

– Да... да, дорогой, обзови меня еще, можешь даже отхлестать! – как бы игриво, но совершенно холодно и на автомате ответила девушка. Она привычным резким движением подтянула хомут на конце своей черной, чрезвычайно толстой косы, тем самым проверив ее на прочность, и походкой танцовщицы подошла к Максиму.

– У тебя хорошие волосы, – сказал он. Ответом на это была легкая, слегка насмешливая полуулыбка.

«Да, она привыкла играть поклонением мужчин! – подумал Максим. – Несмотря на маленький рост, она очень эффектна и интересна... красива!.. Овальное лицо, прямой точеный нос, свои – крупные, чувственные, соблазнительные губы. Белая фарфоровая кожа. А главное, глаза – зеленые и холодные! Если в такую влюбиться – смерть! Она проглотит тебя целиком и не один микрон жалости не шелохнется в ее душе большой белой акулы. Она овладеет твоим сознанием, захватит и свяжет, превратит в игрушку и вещь. Ты будешь принадлежать ее улыбке, взгляду и задыхаться под иглом ее внешности. Но сколько я видел таких стриптизёрш, проституток. Ты любишься красотой, а их мысли заняты расчетами, подсчетами денег».

Максим достал еще одну бутылку привезенного им красного сухого вина, некоторое время возился с пробкой, наконец, открыл. Они присели за столик.

– За что выпьем? – спросил Максим. – Только не надо пустой казёнщины, дежурных фраз, хочу услышать от тебя живое слово!

Девушка ему нравилась. Давно такого не было!

Максиму хотелось ее разговорить.

– А вот это, к сожалению, не по моей части, – ответила она. – Я всегда была скупа на произнесение тостов, поздравлений и проявление прочих эмоций.

Максим разглядывал собеседницу: «Чувствуется характер у этой куклы ой-ой-ой». Максим налил два бокала.

– Тогда за исполнение желаний, – сказал он.

– Не вопрос.

Выпили. Максим осушил свой бокал полностью, девушка сделала небольшой глоток и поставила бокал на столик. Максиму это не понравилось. «Хитрая, прожженная бестия», – подумал он.

– Тебе, наверное, по роду деятельности приходилось слышать от мужчин много историй? – спросил Максим.

– Было дело... Каждый третий что-то гонит!

– Я сейчас произнес тост за исполнение желаний. Может, по-твоему, быть, что у человека явных, не сиюминутных, действительно настоящих желаний, которых он жаждет всей душой – нет?!

– Всякое в жизни бывает... Это вы о себе говорите?... Вы, я понимаю, во всем разочарованы, потеряли вкус к жизни?

«Умная кукла! Прикалывается надо мной!» – пронеслось в голове у Максима.

Максим налил себе бокал до краев и полностью выпил его. При других обстоятельствах он никогда бы не завёл подобную беседу, но он был пьян и вместе с тем удручен своим загулом.

– А это обязательно? – спросила девушка, указывая на бутылку вина. – Без этого нельзя складно выразить свои мысли?

– Это из разряда сиюминутных желаний, которые поддерживают настроение, не улучшают, а поддерживают.

– Последнее, что на свете осталось! – сказала она, как бы вздохнув.

– Хорошо, оставим на время меня, моей персоне уже довольно досталось от твоего колкого язычка, поговорим о тебе. Задам вопрос, который тебе уже, наверное, тысячу раз задавали. Догадываешься, какой?

– Ну, какие могут быть вопросы?... Откуда я... зачем мне деньги... или, что я делаю в этом бизнесе. Мне задавали эти вопросы, но не тысячу раз, у меня нет такой бурной жизни.

– Ты не дура! Хотя твои коллеги в основной своей массе такие... деревья!

– Спасибо за комплимент!

– Что ты – далеко не дура, делаешь в этой теме?

– На стандартный вопрос даю стандартный ответ – работаю, потому что в данный момент другой работы для себя не вижу.

– Но ведь не совсем благородное времяпрепровождение? – спросил он.

– Какое есть! Здесь честней! Ты здесь сама себе хозяйка! На другой работе с тебя три шкуры сдерут, платят в месяц меньше, чем здесь я зарабатываю за одну встречу. Там к тебе подкатывают все кому не лень, любой вшивый начальничек, придурок – моральный урод менеджер считает, что может осчастливить своим расположением, навязав интимную близость. И такую дрянь надо терпеть цел-ый месяц за жалкие гроши! Многие девчонки уходят из «темы», но потом обратно в нее возвращаются. Здесь честней!

«Железная логика!.. думает, что мне это надо послушать, выговориться тут. Отвечает, хочет показаться коммуникабельной, чтобы я ее еще раз выдержал, еще, еще, еще, словом подсел на нее как на наркотик.»

– А замужество? Разве это не выход?

– Может быть, для кого-то и выход. Я была замужем, человек был мне не противен, но он попрекал меня деньгами, достатком, которым меня окружил. Меня достали эти упрёки, надоело на что-то всё время выпрашивать, о любой мелочи для себя приходилось просить. Я развелась, так как поняла, что не готова к браку, а буду готовой, только когда стану хотя бы частично финансово независимой от мужика. Больше всего на свете хочу быть независимой!.. Можно выйти замуж за богатого, щедрого хоть сейчас, но для меня важны чувства! Терпеть всю жизнь рядом с собой какую-то похотливую обезьяну не собираюсь. Я не понимаю девушек, которые только и ждут, чтобы муж свинтил из дома, а когда целуют его, чтобы не было гадко, представляют лицо знакомого стриптизёра.

– Значит, ты хочешь быть независима? Копишь деньги?! Модная машина, я видел у тебя есть; барахло, часы – присутствуют. Квартира – не знаю, на неё сейчас сложно копить, особенно на большую и хорошую. Но, допустим, появится и квартира, даже вложения во что-то, приносящее доход, появятся, что дальше?

– Выйду замуж за кого хочу!

– За молоденького стриптизёра? Многие девчонки на них тратятся. Девушек из темы покупают, унижают мужчины, здесь появляется возможность отыграться на загорелых красавцах. Тем более они покорны и всё исполняют!

– На стриптизёров тратятся дуры, либо зажавшиеся жены мужей-уродов, либо девушки, находящиеся в глубоком нравственном кризисе...

– Либо из любопытства, – вставил Максим.

– Бывает из любопытства... Я стриптизёров мужчинами не считаю, хотя у меня один был. Я развожу мужиков на деньги и не позволю, чтобы мальчишки-проститутки разводили меня. Мне деньги тяжело достаются.

– Тем, кто стоит на трассе, они достаются еще тяжелей.

– На трассе стоят животные, к ним и относятся как к животным!

– Ладно, оставим совсем падших... За кого ты хотела бы выйти замуж? Кем должен быть твой счастливый избранник?

– Состоятельность в материальном плане обязательна, иначе я его не буду уважать! Свои, кровью заработанные средства дарить неудачникам я не намерена!.. Чтобы тряпкой не был, слабого мужчину затопчу. Ну, и банальное – чтобы меня любил и я его!

– То есть, ты выйдешь замуж за кого хочешь и станешь жить жизнью нормальной женщины, так?

– Да, мой хороший.

Максиму не нравилось это дежурное проститутское выражение. «Мой хороший... пришли мне галоши.»

– Так, а прошлое?

– А что прошлое?

– С ним как быть?

– Прошлое останется в прошлом! Я живу настоящим и будущим.

Максим налил себе в бокал вина, выпил. Вино слегка ударило в голову. Максим понимал, что никаких внятных ответов на свои вопросы он, конечно, не получит, но ему хотелось растянуть этот вечер.

– Ты можешь забыть прошлое, но оно о тебе не забудет, – сказал он.

– Это ты мне так... чтобы я особо не расслаблялась?

– Рассчитано верно и ты, по всей видимости, добьёшься своего, но прошлое в кармане не спрячешь! И это не пустые, высокопарные слова – моя ситуация тому пример!

– Что же у тебя случилось такого ужасного?

– Особо ужасного ничего не было, как и многим в наш век приходилось время от времени идти по головам.

– Беспокоят ночные кошмары, испытываешь муки совести?! Хочешь, чтобы я тебе вылечила душу? – с забавной гримаской спросила она, – тогда представь меня в одежде медсестры. Можно купить в сексшопе костюм...

Максим смерил собеседницу тяжелым взглядом. На душе стало тошно. «Перед кем я здесь распинаясь? – подумал он. – Она вероломна и нечиста; она девушка погибели, лживое циничное существо, у которой давно нет души; она – не человек, а лишь чудо красивой, округлой, порочной плоти. Она нагло смеется надо мной...

Взглянув исподлобья мельком на замолчавшего собеседника, девушка поняла, что перегнула палку.

– Извини, я увлеклась, дурацкое настроение сегодня... это, наверное, магнитные бури... – в знак примирения она слегка подмигнула.

– Тебе сколько лет? – спросил Максим.

– Двадцать четыре.

– Откуда ты?

– Из Белгорода.

– В Москве давно?

– Три года.

– Не мало...

– А тебе сколько лет?

– Тридцать девять.

– Я бы не дала, хорошо сохранился!

«Напугалась, сейчас льстит», – пронеслось в голове у Максима.

– Не нравится мне эта резинка – слабая! – она сняла с косы хомут, порывшись в сумочке, достала массивную с черными узорами заколку и, широко раскрыв рот, зажала ее в великолепных белых зубах. Затем свободными руками опытными движениями переделала косу в конский хвост, ловко у основания перехватив его заколкой. Эти изменения причёски имели характер какой-то гипнотической манипуляции и произвели завораживающее действие на зрителя.

– По поводу возмездия за содеянное – я согласна, – сказала она.

– Да, что ты!

– Не слышал о Стасе Рыбкине?

– Кто это – твой друг, родственник?

– С такими друзьями врагов не нужно! Стас Рыбкин – серийный маньяк, изувер, настоящий зверь, много девушек изнасиловал и замучил, родинки зачем-то откусывал. Я о нем слышала от девочек и от менеджеров. Этот Рыбкин страшно богат, у него везде связи, поэтому ему все сходит с рук. Насытившись после своих садистских зверств, он отпускал девушек и давал на лечение много денег, но если входил в раж мог покалечить или убить. Нормальные менеджеры с ним давно не сотрудничали, но находились подонки, которые за крупный куш подставляли девочек, заранее зная, что их ждет. Об этом Стасе ходила черная слава, последнее время ему стало трудно находить объекты для разрыва, поэтому его охранники таскали проституток с трассы. Все боялись нарваться на Рыбкина. И вот недавно мне звонит подруга, кричит в трубку: «Включай скорее телевизор, Стаса Рыбкина завалили!» Включаю – действительно, в новостях показывают: за границей из снайперской винтовки застрелен российский предприниматель Станислав Рыбкин. Комментарии: убийство политическое, определенные круги за рубежом не хотят проникновения нашего крупного бизнеса в отдельные экономические страны. Убийство громкое, выступают уважаемые политики... Вот так этого гада настигла расплата, причём пришла она совсем с другой стороны.

Стиснув в пальцах пустой бокал, Максим опять внимательно изучал лицо собеседницы. «Разговорилась, чтобы загладить ситуацию, – подумал он. – Красива, очень красива и она привыкла принимать поклонение своей красотой как должное. Но все же порок оставил свой след на этом лице. Я часто наблюдал его у подобных женщин. Он вроде не заметен, но время от времени нет-нет да и промелькнет в очертаниях лица, в его мимике, оставив неприятное впечатление порочной изношенности, также как и грубое пошлое слово в ее довольно-таки складной речи. С годами ветераны такой профессии и внешне превращаются в монстров, как и множество голливудских звезд. Время и кучи пластических операций делают их лица ужасными нечеловеческими, больше похожими на бесов. От наказания за содеянное не уйти никому, оно подкрадывается незаметно, но необратимо.»

Случалось, когда Максим выпивал, его тянуло к многословию, сейчас как раз был такой случай. Помолчав некоторое время после монолога девушки, Максим сказал:

– Человек может нести суровое наказание, хотя внешне со стороны людям кажется, что жизнь у него течёт стабильно и благополучно... Вот, у меня, например, – все, вроде, есть! Получил то, о чем раньше и не мечтал! Однако, жизнь – пуста! Поначалу меня очень радовали новые приобретения: парк машин, дома и прочая бутафория ласкали глаз. Но постепенно я к ним привык, сжился с этой бутафорией. Сейчас ощущаю себя в Астон Мартине также, как десятью годами раньше чувствовал в жигулях, я люблю спортивные машины, у меня их несколько. Ничего особенного не прибавилось с покупкой дорогого авто, за спиной крылья не выросли. Увеличение благосостояния не приносит полного удовлетворения. Сколько раз я наблюдал себя в моменты получения заработанных бывало с огромным трудом крупных сумм. Особой, великой радости в своей душе я не видел. Была лишь усталость! Конечно, ты испытываешь некое удовольствие от прироста денежной массы, но со временем этот процесс радует все меньше и меньше, и, наконец, превращается в бесконечно пустую игру: брат, брат, брат. Тебе кажется – достигну определенного уровня и успокоюсь, расслаблюсь, но нет – опять появляются новые цели, этапы, находятся люди, у которых денег больше и ты постоянно пытаешься выйти на новый уровень.

Недавно мне один знакомый бизнесмен, у которого состояние под полмиллиарда долларов, владеющий «лодками», домами на Сардинии, в Лондоне и прочими атрибутами сладкой жизни, жаловался на свою ущербность. Он скис после общения с олигархами первого эшелона.

Никогда раньше не видел его в таком подавленном состоянии. Он жаловался и жаловался на свою судьбу. Я ему говорил: «Не гневи Бога, Он и так тебе столько дал!» – «Ты не понимаешь, – был ответ, – те люди живут настоящей жизнью, они могут влиять почти на все и могут позволить себе почти все, они – хозяева на этом шарике; мы же – лилипуты, чей удел прозябать». Было странно слушать такое от человека, который, по мнению окружающих, должен быть, если не счастлив, то хотя бы доволен своим положением. Я потом долго думал над словами этого бизнесмена, понимал, что это временная реакция от увиденного, но в его речи была своя правда – мы все одинаковые, а разные у нас только уровни достатка...

От прироста денег в человеке, особенно в русском человеке, появляются заносчивость, хвастовство, высокомерие, чванство, но не удовлетворение. Русский человек где-то в глубине души сознает, что деньги не самоцель и что они не стоят тех усилий, которые он ради них прикладывает. Зарабатывая деньги, русский стремится к чему-то большему, чем другие, более бережливые нации. Поэтому он большей частью так их безобразно и глупо тратит. Вот я гуляю уже второй день, где только не зависал, сколько я проиграл в подпольном казино и сколько пораздавал стриптизёршам – боюсь даже подсчитывать!

Человек моего достатка, но другого родаплемени, наблюдая, как я транжирил деньги, назвал бы меня сумасшедшим.

Все знают – в деньгах счастья нет, но готовы жертвовать многим, чтобы их иметь. Отсутствие полного удовлетворения от наличия денег – самая безобидная часть наказания за грехи, которые ты ради них совершил. Расплата за содеянное, как правило, многогранно.

– То есть, по-твоему, меня неминуемо ждет расплата, даже целый комплекс из наказаний? – спросила девушка.

Максим встал из-за столика. Он смотрел в окно. Эта сторона «Савоя» соседствовала с Детским миром. В его огромных окнах уже не горел свет, целая армия игрушек, погрузившись в темноту, спала легким безмятежным сном. Максиму подумалось, что он смотрит из одного мира в другой. Перед «Савоем» кипела своя жизнь, сейчас в него въезжала группа громких итальянцев. Максим любил старинные отели: «Савой», «Националь», «Метрополь». Когда-то в студенческие годы, гуляя мимо их шикарных стеклянных входов, Максим с интересом наблюдал за царящей здесь атмосферой; разглядывал подъезжающие дорогие авто, служивых швейцаров, праздную публику и мечтал, что когда-нибудь тоже остановится в таком месте. У старинных отелей была своя история; они хранили на себе отпечаток и дореволюционной, и советской эпох, и след нуворишевских разбойных девяностых. Максиму нравились их вестибюли, рестораны, номера, коридоры, несмотря даже на то, что зачастую они были отделаны уже в новом стиле. Путешествуя по миру, останавливаясь в разных местах, Максим отдавал предпочтение отелям в виде реконструированных вил, особняков, а не коробкам из стекла и бетона.

У Максима начала болеть голова от выпитого, он устал от своего длинного монолога, но ему хотелось подвести итог беседе.

– Это хорошо, что у тебя такой живой и ироничный ум, так, наверное, интересней идти по жизни, – сказал Максим. – Рассуждая о наказании, я не про тебя в отдельности говорил, а про всех нас, кто так или иначе втянут в игру под названием «бери от жизни все...» Не согласна? ... По-твоему, я попросту затерялся, юродствую и хандрю?

– Есть немного! Рассказы по поводу тленности земных благ я уже слышала. На это всегда говорила: «Не учите жить морально – помогите материально!» Свою теперешнюю жизнь особым грехопадением я не считаю. Я никому плохого не сделала, кроме как себе. Ни в чью личную жизнь я не лезу – она посмотрела на Максима. – Поэтому я думаю, что со временем буду достойна лучшей участи.

– Ты знаешь полностью счастливых людей?

– Полностью счастливые сидят в сумасшедшем доме. Я знаю людей, которые довольны собой и своей жизнью.

– Кто это – золушки, которые после долгих и гнусных мытарств вышли замуж за богачей и даже умудрились выйти по любви? Теперь у них идиллия – их любят, они любят, рождаются дети, достаток, куча нянь?

– Таких тоже знаю... и знаю, что вы мне дальше скажете... что таких меньшинство – процентов пять от общей массы. Также знаю о высоком проценте самоубийств в нашей среде. Знаю, что многие становятся наркоманками или пьяницами, что чуть ли не каждая вторая не может иметь детей!.. Ну, что еще осталось? Да... самое главное – в этом бизнесе год летит за три, а зачастую и за пять – старость надвигается с ужасающей быстротой!

– Ты откуда такая взялась?

– Не из академии, из стриптиза. За несколько лет я увидела столько, сколько другие не увидят и за всю жизнь!

– Как-то по телевизору показывали пятидесятивосьмилетнюю проститутку – это очень печальное зрелище. Преклонных лет жрица любви имела почти сорокалетний стаж работы. Несмотря на отвратительную, затасканную дряхлость, чувствовалось, что в молодости она была хороша собой. Сейчас ее удел смешить на сцене безобразными выступлениями посетителей заглазных ночных клубов, изображая оргазм носорога, бегемота, гориллы. Ей трудно, практически невозможно находить клиентов, мужчины шарахаются от нее, как от мерзкого существа. Она бродит возле клубов, ресторанов, пытается соблазнить таксистов, но в ответ слышит лишь грубую, пошлую брань. Родные давно отказались от этой женщины, для них она исчадие ада, позор. На мой взгляд, ее судьба – самое страшное, что может случиться с женщиной. Сейчас подобных старух-проституток единицы, потому что раньше общество было иным, проституции как таковой не существовало. Что будет, когда преклонных лет достигнет сегодняшнее поколение? Ведь сейчас только в одной Москве тысячи женщин продают себя. Сколько их стоит на трассах, сколько трудится в квартирах-борделях. Весь интернет забит рекламой интим-услуг. Заниматься проституцией в той или иной форме для женщины в Москве стало нормой. Вип-сутенеров показывают по телевизору, они рекламируют свой бизнес на всю страну. И девушки всё едут и едут в Москву! Работает гигантская, чудовищная мясорубка!

– А кто сформировал на них спрос?!

– Ты права! Сформировали такие развратники как я!

– Которые после платного сеанса могут поговорить о морали.

– И одновременно с этим сулим молоденьким девчонкам иллюзорное сытое счастье взамен серой голодной жизни в провинции. Это мы даём надежду попасть в разряд обладательниц машин, шуб и прочего. Хотя, как я говорил, само обладание этой бутафорией совершенно не приближает человека к счастью. Бедная девчонка завидует разодетой моднице, вовсе не подозревая, что та может быть гораздо несчастней ее. Те пять процентов довольных жизнью, о которых ты говорила, тоже условны. Просто их время еще не пришло. Ни факт, что муж не бросит, не заболеют дети или не наступит иное горе и жизнь полетит под откос. За всё рано или поздно приходится платить!

– А ты платишь?

– Конечно.

Посмотрев в глаза девушке, Максим увидел в них явные угрюмость, безразличие и даже некую враждебность, и понял, что они видятся первый и последний раз.

– Мне пора – вдруг сказала она.

Когда Максим и его спутница, закрыв за собой дверь номера, пошли по узкому коридору к лифту, они увидели двух женщин работниц отеля. Женщины стояли около небольшого столика и о чём-то тихо, но оживленно беседовали.

– Кстати, девушки! – спросил их Максим, – откуда в том люксе картина «Ледовое побоище»?

– Не знаем – машинально ответила одна из работниц, она была помоложе и устремила свой любопытный взор не на Максима, а на его спутницу.

– Это в «Савой Гранде»? – спросила другая горничная.

– Понятия не имею как он называется, – большой номер, из которого мы вышли.

– Правильно, – менторским учительским тоном ответила горничная. – Картина эта досталась нам от серба бизнесмена, он жил в отеле почти месяц. Раньше в номере висел пейзаж, по какой-то причине он сербу не понравился и он поменял его на «Побоище». Он нам сказал, что «Побоище» купил в Даниловском монастыре. После того, как мужчина съехал, мы картины перевешивать не стали.

– Правильно сделали, – сказал Максим.

Зайдя в зеркальный пенал лифта, Максим и девушка молча спустились на первый этаж. Здесь в холле отеля они наскоро и сухо попрощались. Дама направилась к выходу, Максим подошел к стойке администратора закрыть счет.

Глава II

«Ибо ты говоришь: „Я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг“».
Библия, Новый Завет, Апокалипсис св. ап. Иоанна Богослова

Выйдя из отеля, Максим не без удовольствия вдохнул полной грудью воздух вечернего города. Стояла сырая зимняя оттепель, резкий ветер крутил и метал из стороны в сторону перетяжку рекламы. Голова Максима была тяжела от пьянства и загула. Ветер ударил в его воспаленное и разгоряченное лицо. Максиму вспомнилась картина, которую он недавно рассматривал в номере. В неё мыслью автора тоже был вживлен ветер.

«Какая временная и ситуационная бездна между этими порывами холодного сырого ветра, – подумалось Максиму, – тогда он гулял над весенним льдом Чудского озера и трепал плащи крестоносцев, сейчас дыхнул холодом в лицо мне – жалкому мошеннику из Москвы».

Мы запомним эти мысли Максима о ветре и обратимся к возможностям ветра впоследствии. Ветер поможет нам в выстраивании линии повествования и будет выхватывать из своего богатого архива нужные события. Ветер! Сколько он знает, скольким событиям свидетель и каждый раз у него свой путь, своя музыка! А какие у него бескрайние возможности. Одновременно он может бушевать над Северным морем, рвать снасти кораблей, пугать до смерти моряков и где-то за тысячи километров легким дыханием гладить мягкие волосы ребёнка!

Перед отелем Максима ожидали стандартный для определенного круга россиян «Мерседес» S-класса и джип «Тойота Ленд Крузер» с охраной. Обычно Максим перемещался в компании рослых секьюрити, но, сейчас он не видел в том нужды. Один из охранников открыл ему дверь «Мерседеса». Максим не стал садиться в машину, а лишь достал из салона кепку. Он сказал, что хочет прогуляться и чтобы верные джигиты ждали его здесь.

– За вами пройти? – спросил Палыч. Он был старшим охраны и отличался от своих подчиненных преклонным возрастом, огромным пузом, слегка прищуренным, как бы всё знающим, таинственным взором и тем, что раньше когда-то служил в ФСО, о чём свидетельствовал маленький золотой значок на вороте его пиджака. Когда Максим уходил в загул и повышалась вероятность возникновения какого-либо конфликта, для его урегулирования в числе охранников всегда присутствовал Палыч.

Максим отрицательно покачал головой. Он хотел побыть один. Любое общество, даже присутствие за спиной охранника, в данный момент ему было невыносимо.

Максим надел перчатки, поднял воротник пальто, уткнув подбородок в модный узел мягкого шарфа, и двинулся в студеную темень.

Пройдя метров двадцать, он оглянулся. Охранники сидели в теплых салонах заведенных машин. Максиму подумалось, что этот вид дорогих авто и торчащей в них челяди ему уже очень и очень давно не ласкает взор, хотя раньше он испытывал некое удовольствие от подобных видов как от продукции своей деятельности. Сейчас данная картина была для него абсолютно пустой и даже глупой. Максим угрюмо побрел по улице.

«Охранникам кажется, что я наслаждаюсь жизнью, – думал он, – как же: денег не меряно, ем в VIP-ресторанах, зависаю в отелях, подтягиваю красивейших женщин – всё вроде бы в шоколаде. Но им и в голову не придет, что сейчас во мне происходит». Действительно, времяпрепровождение Максима, с точки зрения многих, виделось завидным, но для него эти элементы сладкой жизни сейчас имели совсем обратный эффект.

Чудовищная душевная опустошенность разрывала сердце Максима. Он намеренно втянулся в беседу с девушкой, так долго не отпускал ее и пил больше обычного. Поведение и речь его, конечно, были глупыми и неестественными в данной обстановке. Он чувствовал, что лез

со своими ненужными и где-то мучительными вопросами и приёмами в совершенно чужое сердце, которое втайне считало его дураком и притворщиком. Знаток женщин, он понимал это великолепно. Всё это время Максим боялся остаться один на один со своими мыслями и с той мерзостью, которую он опять совершил. Уже довольно продолжительное время после подобных связей на него накатывало ощущение кромешной безысходности, чёрной тоски и одиночества, сейчас оно было невыносимо.

Самоубийцами принято называть тех, кто наложил на себя руки; в какой-то степени самоубийцами являются и люди, утопившие жизнь в помоях страстей и пороков. Максим был не немощен, не стар, но ощущал себя трупом. Он помнил себя полным сил, стремлений, мечтаний и сейчас понимал, что со временем выжиг в своей душе всё живое. Он даже перестал замечать красоту природы, хотя раньше всегда любовался ей. Максим где-то читал о солдате, который после тяжелого ранения в бою сошел с ума, поверив, что он убит. Этот несчастный считал себя мертвецом и свою жизнь после ранения считал иллюзией, неким сном прошлой жизни. Что-то подобное переживал сейчас и Максим, он ясно и отчетливо понимал, что погибает и находится одной ногой в бездне.

Несколько месяцев назад он уже заглядывал туда, почувствовав дыхание преисподней, был сражён и чудовищно напуган им. Однако, первоначально всё задумывалось иначе, намечалось роскошное и увлекательное путешествие в Рио-де-Жанейро и на пляжи Бузиоса, путь туда лежал через «город-герой» Амстердам. Компанию в этом туре Максиму составила девушка Рая, с которой он познакомился необычным для себя способом, посещая лекции на историческом факультете МГУ. В университет Максима занесло не случайно, он всегда интересовался и увлекался историей, также его притягивала атмосфера студенчества, он хотел подпитаться от ощущения многообещающего старта, от чувства, что вся жизнь впереди. Для имеющего богатый жизненный опыт Максима не составило труда просочиться в Шуваловский корпус на лекции, где после непродолжительного процесса переглядывания у него завязались отношения с миниатюрной блондинкой-аккуратисткой Раей. Вскоре он очутился с ней в Амстердаме, городе тюльпанов, каналов, готических соборов и легализованных пороков. Остановилась пара в отеле Intercontinental Amstel, здесь они намеревались прожить три дня перед отлётом в Бразилию. Поужинав в мишеленовском ресторане отеля, где Максим выпил две бутылки вина, пара пешком направилась гулять по городу. Шли они долго, восторгались видами, фотографировались. Оба оказались в Амстердаме впервые. Когда Максим и Рая дошли до площади Дам уже стемнело. Чтобы передохнуть, они присели в забитой шумной публичной ресторации, здесь Максим выпил ещё вина. Из любопытства Максим и Рая решили поглазеть на квартал Красных фонарей. По карте, которую им выдали в отеле они посмотрели, где находится данная достопримечательность и двинулись в не менее длинный путь. Максим и Рая твёрдо решили идти пешком, им казалось, что они таким образом сумеют лучше понять этот необычный город. По дороге им попадалась масса неформального вида народа разного возраста и национальностей. Раю немного напугал бредущий в одиночестве негр, которого шатало из стороны в сторону, время от времени он что-то выкрикивал.

– Переусердствовал с грибами, – усмехнувшись, сказал Максим.

Вскоре Рая заявила, что она устала.

– Не хочешь попробовать кекс? – спросила она Максима.

– Не против. Давай посмеёмся!

Они зашли в первый попавшийся кафе-шоп. Протолкнувшись через веселящуюся разномастную публику, уселись за свободный столик. Место показалось Максиму неопрятным, но искать что-то другое уже не было сил. Вскоре к ним подлетел взъерошенный засаленный молодой официант. Максим заказал один кекс и два чая с мятой. Официант предложил покурить марихуану, но Максим отказался. Он не приветствовал употребление наркотиков, кекс же заказал из любознательности. Максим и Рая с интересом рассматривали публику. Слева

от них что-то громко обсуждала группа невзрачных, безвкусно одетых девушек лет двадцати, с виду студенток. Справа расположился рокерского вида старикан с вытянутым, похожим на лейку носом и подбородком.

– Интересно, такие лица Гоголь называл кувшинными? – спросил Максим.

Рая пожалала плечами. Заведение было окутано клубами дыма с характерным запахом. Спустя минут пять появился официант, он передал старикану папиросу в прозрачном пластмассовом боксе, перед Максимом и Раей поставил шоколадного цвета кекс на пластмассовой тарелке и два глиняных стакана с чаем, накрытых крышкой. Пара в минуту одолела кекс, запив его горячим чаем. Рая удалилась в туалет. Сидящий справа старикан меланхолично раскурил свою папиросу, дым от неё накрыл Максима. «Здесь можно одуреть от одного только воздуха», – решил он. К столику вернулась Рая.

– А заведение это – ещё тот гадюшник, – сказала она, – туалет ужасный, причём платный.

– Мне надоело здесь! – сказал Максим. – Тем более эффекта от кекса никакого нет.

Они попросили счёт. Когда его принесли, Максим был удивлён дешевизною заказа. С удовольствием выйдя на улицу, пара двинулась в путь. Шли быстро, несколько раз меняли маршрут, пытаясь сверить его с картой, поняли, что запутались, но всё равно куда-то шли. Вдруг Максим почувствовал прилив странных ощущений, будто бы его голову чем-то сжали. «Ты ничего не чувствуешь?» – спросил Максим Раю. «Нет, абсолютно!» – ответила она. Между тем с каждым шагом Максим чувствовал, что начинает пылать. Шагов через сто он ощущал себя уже горящим факелом. Максим и Рая вышли на небольшую площадь, здесь стояла группа памятников-мушкетёров из «Ночного дозора» Рембрандта. В каком-то тумане Максим фотографировал возле них Раю, затем Рая фотографировала его. Держа за руку медного истукана, Максим чувствовал, что полностью с головы до ног пылает красно-жёлтым пламенем. Затем они очень долго куда-то шли, шли и шли. Ориентировалась уже одна Рая и ей это удавалось.

– Ты точно ничего не ощущаешь? – спросил её Максим.

– Чуть-чуть как-то теплее стало при ходьбе, – ответила она.

Наконец они оказались в квартале Красных фонарей. Стоящие в освещенных красным витринах-будках проститутки виделись Максиму кривляющимися чудовищами. Квартал оказался длинным, по нему сновала толпа зевак, в основном стайки каких-то арабов. Царящая здесь атмосфера показалась Максиму жуткой, он крепче сжал в своей ладони ладонь Раи. Они шли быстро, Максим ощущал себя катящимся на бешеной скорости огненным шаром.

– Всё! Хватит экзотики! Я хочу в отель! – сказал Максим.

Рая видела, что с ним что-то происходит, но чтобы его не тревожить, старалась казаться спокойной. На какой-то площадке они сели в такси и быстро с резкими остановками и стартами понеслись по узким улочкам. Из машины Максим вышел уже согнувшись чуть ли не пополам. Вбежав по ступенькам, он стал резко дёргать стеклянные двери отеля, дёргал одну, другую, но они оказывались запертыми.

– Успокойся, – сказала ему тихо Рая.

Наконец швейцар открыл изнутри крайнюю слева дверь и учтиво пропустил их внутрь. Максим быстрым шагом проследовал к лифту, затем чуть ли не бегом из лифта к номеру. Рая за ним еле поспевала. Достав карточку, она сама открыла дверь. В номере Максим, побросав на пол вещи, разделся и плюхнулся на кровать. Но кровать словно провалилась, и Максим полетел в пропасть.

– Нет, не могу лежать! – крикнул он, вскочив, как ошпаренный с кровати и лёг на пол.

На застеленном узорчатым ковровином твёрдом полу Максиму показалось тоже безобразно, он опять вскочил. Рая испуганно наблюдала за его действиями.

– Мне очень-очень плохо! – сказал он ей.

– Как плохо?

– Распирает всего!

Максим стал метаться по номеру. Он никак не мог остановиться и бился о мебель, налетал на шкаф, стол. Рая схватила его руками.

– Стой! Ты сам себя разогнал! Успокойся!

– Не могу! Меня распирает! Я весь горю!

– Успокойся, успокойся, я же ничего не чувствую!

– Не понимаю, почему не чувствуешь?! Я просто в огне весь.

– Успокойся!

– Не могу!

Рая достала из своей сумки небольшой образок с изображением преподобного Сергия Радонежского.

– Смотри на него! – велела Рая.

Максим смотрел, но образ расплывался, однако он отвлёкся.

– Я на пол лучше снова лягу, – сказал Максим.

Рая принесла из ванной большое белое махровое полотенце и постелила его на ковролин.

Максим лег на него спиной. Рая положила на его лоб образ.

– Так лучше? – спросила она.

– Да!

Рая принесла еще одно такое же полотенце и им укрыла Максима.

– Жуткие галлюцинации! – сказал он. – Вижу то море огня, то море дерьма. Очень страшно! Только иконка спасает, когда мыслями возвращаюсь к ней.

– Мне кажется, лежа на спине, ты как-то улетаешь, попробуй лечь на бок.

– Не могу, даже не буду пытаться! Так легче.

– Попробуй заснуть, такое состояние, наверное, надо переспать.

– Какое заснуть! Я несусь куда-то, меня разрывает всего! Икона спасает, стараюсь думать о ней... Ты ложись, не смотри на меня!

– Ладно, если что – зови!

Она легла и выключила свет. Максима несло сквозь огонь, мелькали какие-то гримасы. Всё это то клало, то крутилось в бешеной пляске, то вдруг распадалось на атомы и только образ святого не давал ему полностью погрузиться в ужас и сгинуть в нём. Максим вспоминал об иконе, изо всех сил старался привязать к ней свою мысль и это выручало его. В такой страстной, чудовищной борьбе он провёл часов пять, которые ему показались вечностью. Один раз он разбудил Раю и попросил дать ему воды. Но выпить не смог, получилось сделать только небольшой глоток. Максим попросил немножко намочить ему лицо.

О сне не могло быть и речи, галлюцинации следовали одна за другой и все жуткие как смерть и только преподобный Сергей, лик которого Максим пытался удерживать в мозгу, не давал кошмару окончательно замкнуть свои объятия.

Под утро, когда через зашторенные окна уже забрезжил рассвет, Максим вскочил и, сгорбившись в три погибели, побежал в туалет. Там его сильно вырвало и опустошило всего. Еле дойдя до своего лежбища, Максим свалился на него как подкошенный и дрожащей рукой снова положил на лоб образ. Чуть полегло, стал бить озноб и хоть галлюцинации не исчезли, Максим смог как-то рассуждать. Он думал, что его спас образ, без него он бы, без сомнения, утонул в ужасе. Максим смог заснуть на несколько часов только ближе к обеду, а отпустило его лишь к вечеру, до этого он пребывал в тяжёлом забытьи. Рая за это время успела позавтракать, пообедать, надолго уходила в спа-центр.

– Почему меня так раздавило? – спрашивал её Максим. – Ты ведь была нормальной!

– Не знаю?! Не твоё это!

– Не моё! Я ничего такого не пробовал. Курил пару раз «травку» в доисторические времена. На дискотеках в эпоху Титаника несколько раз с парнями понюхал «кокса». Но это всё не то! А здесь ад кромешный. Галлюцинации! У тебя бывало подобное?

– Не-е-ет, и близко никаких глюков не было. Единственное, меня как-то на дискотеке угостили таблеткой, но от неё только прибавились некие выпуклость ощущений и раскованность в движениях. Я танцевала, держалась за стойку, и мне казалось, что у меня столько сил, что я могу её с корнем вырвать.

– Это не то! Здесь ад, сплошной ужас и просвет в нём только икона, непосильная борьба с ужасом, видения библейского плана!

– Может, ты думаешь об этом, тебе это и привиделось.

– Что ты? Здесь такие образы, никогда не думал об этом.

Максим провёл в номере и следующий день. У него болел бок, скорее всего он сломал или сильно ушиб рёбра, когда в метаниях по номеру налетал на угол стола. Также он с удивлением обнаружил, что у него отколота половина одного зуба, как это случилось, он так и не понял.

Рая ещё раз ходила в спа-центр в отеле, расхваливала, какие там восхитительные турецкие и финские сауны, высокого уровня профессиональный массаж. Говорила, какой чудесный вид открывается через большие окна из бассейна, который находится на уровне канала реки, как там плавают катера и лодки.

– Байдарки плавают, – говорила она, – сидит в них немецкое старичье, гребут вёслами. Слышно как рулевой командует: «Айн, цвай, драй!»

Максим слушал это в пол-уха, он был погружён в размышления. Чтобы Рая не скучала с ним, он дал ей стопку пятисотевровых купюр и отправил на улицу с бутиками. Рая отсутствовала почти полдня и вернулась довольная с кучей пакетов Dior и Chanel. Максим между тем пришёл к твёрдому убеждению, что в том, что с ним произошло, есть смысл. Он не сомневался, что в реале увидел ад и обитающих в нём существ. Чем больше он думал, тем больше укреплялся в мыслях, что это был не пустой «глюк», не галиматья. Из того что он лицезрел, он должен сделать вывод и в корне изменить свою жизнь, чтобы не попасть туда, куда заглянул.

Максим огорошил Раю известием, что их путешествие прерывается, они не летят в Бразилию, а возвращаются в Москву. Раю удивило, но не очень расстроило это известие. После наркотической ночи она поглядывала на Максима с опаской и старалась дистанцироваться от него.

– Одна только просьба! – сказала она. – Чтобы дополнить впечатление об Амстердаме обязательно хочу посетить Рейксмузеум.

– Да. Согласен! – ответил Максим.

К сожалению, из-за боли в ребрах у Максима, прогулка по крупнейшему построенному в неоготическом стиле зданию Рейксмузеума заняла у пары гораздо меньше времени, чем им хотелось. Рассматривая наспех богатейшую коллекцию картин, произведений скульптуры и прикладного искусства, переходя с этажа на этаж, восторгаясь полотнами Рембрандта, Хендрика Аверкампа (Максиму очень понравились его картины «Катания на коньках»), Вермера, импрессионистов и других великих мастеров, Максим и Рая были абсолютно разочарованы залом с собранием предметов современного искусства. Они в несколько минут обошли почти безлюдный этаж с «шедеврами» каракуль и каких-то параноидальных изваяний.

– Абстракция, авангард, на мой взгляд, извращение вкуса, – сказала Рая.

– Мы не достаточно современны, чтобы понять маразм! – подытожил увиденное в этом зале Максим. – Отход от христианства дал полный упадок. Импрессионисты ещё могли играть цветами, они чувствовали жизнь; какие глаза у бедного самоубийцы Ван Гога на его автопортрете! Современные творцы по восприятию окружающего вернулись в первобытнообщинные времена, но даже в наскальной живописи заложено больше, чем в этой удручающей бурде. То же самое наблюдается и в архитектуре: соборы, дома с затейливыми фасадами увидели свет в христианские времена, когда люди верили в Бога, перестали верить – получается создать только стеклянные коробки, которые вызывают интерес только первые годы, затем со временем превращаются в грязные уродливые нагромождения.

Компенсацией за неудавшуюся поездку в Бразилию, но более в знак благодарности за помощь в преодолении последствий употребления злополучного кекса, явилось купленное Максимом на известной амстердамской алмазной фабрике кольцо с бриллиантом. Амстердам стал центром производства бриллиантов ещё с XVII века, когда туда бежали от испанской инквизиции евреи, славился своими ювелирными заводами; купить в Амстердаме бриллиант считалось хорошим вкусом.

– Как тебе пришла мысль в ту ночь дать мне иконку? – спросил Максим, вручая Рае кольцо. – Ты воцерковленный человек?

– Нет, не воцерковленный. Я напугалась за твоё состояние и вдруг вспомнила про иконку, которую всегда беру с собой в поездки.

– А если бы я не успокоился?

– Вызвала бы врача.

Когда элегантный чёрный электромобиль «Тесла» вёз Максима и Раю в аэропорт и остановился на светофоре у одного из мостов, они увидели двух чаек сидящих на чугунном ограждении.

– Тебе не кажется, что, они нереально огромные и толстые? – спросил Максим.

– Они трансвеститы, – ответила Рая.

Как говорилось выше, в этом повествовании мы время от времени обращаемся к ветру; своими порывами он делает сюжетную линию более плавной, вдыхает в неё отдельные сцены. Но стоит ли говорить о воздушной ауре Амстердама, если в ассоциациях Максима она связана с запахом из кафе-шопов?

Вернувшись из этой поездки, Максим пытался понять, что с ним всё же произошло, так как считал ту ночь самой ужасной и чудовищной в своей жизни. Он покопался в интернете, а также выслушал мнение знатоков, тех, кто посещает Амстердам именно с целью специфического развлечения. Некоторые моменты Максиму стали понятны, к примеру, воздействие кекса через определенный промежуток времени. Однако ничто и никто не дали ему ясного представления о природе и характере его видений. Мучаясь по ночам от боли в поломанных рёбрах, ворочаясь на диване, пытаясь найти удобное положение, Максим о многом передумал и понял одно – он должен был увидеть ад и он его увидел. Как боксёр, оказавшийся в тяжёлом нокауте считается «пробитым» и после сильного удара, которого опасается больше, чем ранее, вновь легко падает с ног, так и Максим оказался «пробит» адом. Если раньше он никогда не задумывался об этом, то после Амстердама тема преисподней выросла в его мозгу в полный рост. Время от времени ему вспоминался момент, как, пылая с головы до ног, он держит за руку холодного медного мушкетера на небольшой площади этого странного сырого города. Как-то во сне он опять попал в ад и увидел там своего приятеля из девяностых Толю Психа. Псих не зря получил своё «погоняло», в бандитские времена этот отморозок бил и резал людей без зазрения совести, чувство жалости было не ведомо ему. Псих пропал без вести. В братве поговаривали, что его утопили в отхожем месте в заброшенном доме подмосковной деревни. Максим увидел Психа в аду гниющим заживо, он весь был покрыт шевелящимися личинками и мерзкими слизнями. Максим пожаловался Психу на свою судьбу, но тот в ответ гаркнул: «Что ноешь? Посмотри на меня!»

Максим о многом передумал и решил в корне изменить свою жизнь. Спустя несколько недель он поехал в Сергиев Посад. Здесь, в обители преподобного Сергия Радонежского, он хотел исповедаться и причаститься. Повествуя батюшке о грехах, о своей небогоугодной работе, он поведал об увлечении проститутками. Он рассказал, что в последний год настолько «подсел» на общество дорогих красоток, что чуть ли не каждый день пользовался их услугами. Максим читал о такой страсти у Солженицына, автор «Архипелага ГУЛага» сравнивал её с жадностью поедателя устриц, который хватается, ломает, высасывает, глотает и вновь хватается и

хватает новые особи. Священник, молодой батюшка, ему было не более тридцати, светловолосый, с проникновенным горящим взором, своей внутренней твердой духовностью сразу расположил Максима к себе.

«Что делаешь? Остановись! – сказал он. – Для тебя лучше было бы умереть!» Тогда, в первый раз, Максим не был допущен к причастию. Священник наложил на него епитимью. Максим должен был сорок дней читать утренние и вечерние молитвы, канон покаянный, Псалтирь, класть земные поклоны и главное – оставить блуд. Слова этого батюшки глубоко запали Максиму в душу. В Троицком соборе у раки преподобного Сергия Максим поклялся выполнить наставления священника. Сорок дней пробежали быстро. Максим исполнил, что ему велели, вновь исповедался и был допущен к причастию. Он знал, что раньше, когда большинство русских людей было воцерковленными, таких блудников как он на годы лишали права приобщаться Святым Таин. Максим видел свою духовную немощь и понял, что разрешив ему причаститься, батюшка брал на себя огромную ответственность перед Богом.

«Для тебя лучше было бы умереть!» – тогда эта фраза огнем отпечаталась в сердце Максима, но вот прошел совсем малый период, чуть больше месяца после причастия, он сорвался, загулял и вновь пал. Началось все с Сандуновских бань, там Максим в кругу приятелей выпил больше обычного. Затем компания переключалась в находящийся неподалеку ресторан «Белое солнце пустыни». Причем Максим доехал туда на лошади, которую угнал у мужичка, который разгуливал с ней по Неглинке и предлагал прокатиться. Прокатчик не ожидал, что его пожилого кормильца пустят галопом. Не догадываясь о намерениях Максима, он с криками, что есть сил бежал за коварным конокрадом и смог перевести дух только возле «Белого солнца». В ресторане под плов и лагман хорошо пошла водка. Максиму захотелось острых ощущений, и уже один он продолжил вечер в роскошнейшем подпольном казино, где всего за час проиграл такую сумму, что ему не хотелось даже о ней вспоминать. Затем, чтобы развеять тоску после глупого проигрыша, Максим оказался в когда-то любимом им стриптизклубе, в тот день там праздновался его юбилей, и девушки в честь этого ходили абсолютно голыми. Результат – два дня мрачного загула и разврата. Сейчас Максим был сам себе противен. Одним махом он уничтожил надежду начать новую жизнь, нарушил клятву, данную у раки Преподобного. Максим не сомневался, что теперь его мытарства пойдут по новому, но уже гораздо более тяжёлому кругу.

«А ведь у меня был шанс, – думал он, – обратно уже ничего не вернуть. И что теперь – расписаться в своем бессилии и немощи, погрузиться в жижу прошлой жизни? Ах, у меня не получилось, не хватило силы воли, попутал бес!»

Максим понимал, что жить как раньше он не сможет, уж больно тошно и гадко, но изменить кардинально свое существование, справиться со своими страстями тоже не в его власти. Факт теперешнего падения угнетал Максима, камнем лежал на сердце.

«Конца и края нет моему одиночеству, – думал он, – и дальше будет только хуже!»

Несмотря на наличие денег, на знакомство с обширным кругом красивейших женщин, Максим был страшно одинок.

Максим знал, за что получил свои мытарства. По молодости он много гулял, продолжал гулять и сейчас. Сотни женщин прошли через него. Максим был женат, но неудачно. В 39 лет у него не было ни семьи, ни детей. Приезжая вечером домой он видел темные окна своей квартиры. С годами, с появлением денег у Максима сформировалось циничное отношение к женщине. В его жизни наступил момент, когда ищешь любовь и не находишь её: мелькают лица, характеры, иногда формируется привязанность, но любви нет. Бывало, Максим увлекался какой-нибудь девушкой, но спустя некоторое время приходило разочарование, он видел, что она не его вариант. Он чувствовал, что растрчивает себя глупо и понапрасну и что теряет вкус к жизни.

Максим задавал себе вопрос: а может ли он вообще любить и любил ли он когда-нибудь? Способен ли он на такое чувство или его душа совсем черства, или прав тот, кто когда-то сказал: «Любовь – это когда хочется того, чего нет, и не бывает». Бывшую жену настоящей всепоглощающей любовью он не любил, это было скорее глубокая симпатия. Но всё же, за исключением детских и подростковых влюбленностей, одна любовь у Максима была и ее точно можно назвать любовью.

Здесь мы призовём на помощь ветер, помните о его знаниях и могуществе. Пусть он вытащит из своего великого как вселенная архива то дуновение, которое было свидетелем пламени чувств Максима. По молодости, в девятнадцать лет, он грезил некой шестнадцатилетней Олей. Она была красивой и видной, профессионально занималась танцами. Каждый раз Максима охватывало крайнее волнение, когда он шел на свидание с этой девушкой. У него замирало сердце, перехватывало дыхание при виде ее. Он был готов ради своей любимой на всё. Понятие счастья для него означало находиться рядом с Ольгой. Они встречались меньше месяца, затем Ольга бросила его. Максим слишком любил Ольгу, был сам не свой и, может быть, это оттолкнуло ее. Он даже не мог справиться со своим голосом, который становился деревянным от волнения. Максим сох по ней несколько лет.

Максим понимал, что Ольге уже давно за тридцать, она, скорее всего, замужем и имеет детей. Но всё же – это было несколько лет назад – он решил отыскать свою бывшую любовь. Максим вспоминал об Ольге как об очень жизнерадостной девушке. «Может, такого человека и надо иметь рядом с собой?» – думал он.

В соцсетях Ольги не оказалось. По вопросам сбора информации Максим обращался к уже вышеупомянутому Палычу, тот, в свою очередь, просил помощи у многочисленных бывших сослуживцев, дорабатывающих свой век на руководящих должностях в ФСО или в ФСБ, а кто и в службе безопасности крупной компании. Очень скоро Максим получил ксерокопию формы № 1, карточки с паспортного стола с фотографией Ольги, а также справку о ней. По нечеткой ксерокопии фотографии, сделанной много лет назад при замене паспорта, трудно было понять, как Ольга выглядит сейчас. Из справки Максим узнал, что Ольга была замужем, развелась, детей не имела, в настоящее время работала хореографом в молодёжном ночном клубе на окраине Москвы. К справке прилагались сведения о круге семьи Ольги, о ее личном автотранспорте, указаны были также адрес прописки и главное – номер мобильного телефона (когда-то Ольга давала на него объявление в интернете). Этих данных, тем более плохого качества фотографии, Максиму показалось недостаточно. Конечно, его смущал возраст бывшей возлюбленной, ведь он привык общаться с дамами гораздо моложе. Максим хотел знать, как Оля выглядит сейчас. И здесь возникла заминка, оказалось, что Ольга по данному адресу не проживает. Пришлось брать распечатку ее мобильного телефона; анализируя данные с ретрансляторов, выяснять фактическое местожительство. Для специалистов это не составило труда. Как и ожидалось, биллинг дал очень много. Максиму был предоставлен нужный адрес, география перемещения Ольги по городу, а также перечень её основных контактов. Оказалось, что Ольга живет с актёром, героем второсортных сериалов, ведущим некой передачи на ТНТ, участником проектов «звезды там-то и там-то». Вскоре Максиму был предоставлен и ролик, на нём Ольга заходила и выходила из подъезда, расплачивалась со сторожем на автостоянке возле дома. Ольга выглядела хорошо, была стройна и худа. Максим поймал себя на мысли, что он, затаив дыхание, просмотрел эти кадры. Он завёлся и решил обязательно увидеться с Олей. Звонить и говорить: «Помнишь, я такой-то, мы встречались когда-то лет двадцать назад», – было несерьезно. Поэтому разработалась целая легенда. Максим звонит и представляется человеком, купившим у Ольги по доверенности машину три года назад (такой факт действительно имел место, человек существовал в реальности, это был совершенно посторонний тип, который приобрёл SMART как раз по объявлению, которое Ольга давала в интернете). Человека, купившего у Ольги машину вычислили по базам дорожно-транспортных происшествий, авто-

мобиль числился на Ольге, а нарушал на нём правила и попадал в аварии другой. Далее Максим просит продлить давно закончившуюся нотариальную доверенность на автомобиль для снятия её с учёта, говорит, что готов приехать для этого в любое удобное для Ольги место и час. Ольге, конечно, это было выгодно, ведь за SMART начислялись хоть маленькие, но всё равно налоги. Сбор информации, включая разработку легенды, стоил Максиму пятнадцать тысяч долларов. Максим не сомневался, что не меньше пятерки, а то и десятку с этих денег прикарманил себе Палыч. Но Максим давно привык не считать деньги в чужом кармане, главное, чтобы – решался вопрос. «Хорошие у тебя друзья!» – сказал Максим Палычу. «Когда я увольнялся, они только пришли, под ёлкой стояли в валенках!» – с гордостью ответил тот.

Максим с замиранием сердца набрал Олин номер. «Алло!» – прозвучал в трубке ее бодрый голос. Максим попытался подстроиться под настроение собеседницы. Весело, но очень уважительно и тактично, он изложил суть просьбы. Легенда выдержала испытание, Ольга пообещала помочь, но только послезавтра, так как до этого дня занята. Договорились о времени и месте, Максим должен был подъехать к мебельному магазину возле ее дома. «Пока-пока!» – весело сказала она на прощанье. Максиму показалось, что Ольга с ним немного кокетничала. «Посмотрим, может и бортанём актёришку?» – подумал он. Максим провел в трепетном волнении два дня. Сразу вспомнились их встречи; настоящую любовь не забыть никогда!

Страстью Максима были роскошные спортивные авто, он имел «Астон Мартин Ванкуиш» и «Бентли Континенталь Джити», он мог приехать к Ольге на одной из них, но посчитал это лишним, не стал куражиться и сел за руль «Лендкрузера». В назначенное время Максим прибыл к мебельному магазину. Ольга не заставила себя долго ждать. Она сама набрала его номер и сказала, что уже подходит. Огненные мурашки пробежали по спине Максима, у него перехватило дух, он вышел из машины. Перед ним стояла Оля, она была в бейсболке, спортивной куртке с капюшоном, джинсах и кроссовках. Ольга удивилась и не узнала его. Через мгновение Максим уже пришел в себя, представился, кратко напомнил о прошлом. Это её ошарашило.

– Ну ты даёшь! – сказала она, – ничего себе явление! Ты как меня отыскал?

– Пришлось постараться, – ответил Максим. Ольга достала из кармана джинсов пачку сигарет, предложила Максиму. Он отказался, он не курил. Ольга закурила и защебетала, что у нее есть только час, а потом надо сдать вещи в химчистку и куда-то ехать. Максим между тем рассматривал знакомые, но изменившиеся черты, когда-то он их боготворил; Ольга была для него самой красивой на свете. Время, конечно, наложило свой след на лик бывшей возлюбленной. Она была без макияжа. «Значит, кокетство мне почудилось, и она ничего не ждала от этой встречи, поэтому и не нарядилась и даже не накрутилась. Видно мужчина, купивший у нее машину, был так себе», – подумал Максим. Опытным взглядом он заметил татуаж на её губах и бровях. Спортивная куртка Ольги была расстегнута, на загорелом впалом худом животе Максиму не понравился проколотый пупок со вдетой в него стальной серьгой с бусинкой.

– Здесь есть неподалёку летний ресторан, – сказала Ольга, – доедем до него, там можно нормально пообщаться.

По-пацански, щелчком выбросив недокуренную сигарету, Ольга уверенно и деловито залезла в джип. Ресторан, действительно, располагался рядом, это было местечко с кавказской кухней районного типа, состоящее из общего зала и летних беседок на улице. Усевшись в одной из беседок, Максим и Ольга начали говорить без умолку, вспомнили прошлое, несколько раз посмеялись. Ольга никак не могла отойти от шока, произведенного неожиданной встречей. «Ты как вообще живешь, где работаешь?» – спросила она. Максим рассказал, что был женат, сейчас разведен, детей нет, работает юристом. Максим заметил, что Ольга с интересом рассматривает его часы. Надо сказать, что Максим подошел к выбору гардероба для этой встречи с особой тщательностью. На нем были синие светлые джинсы, светлая рубашка с тончайшей темно-красной полоской, бордовый кожаный ремень, бордовые, одетые на босу ногу летние

легкие туфли, на руке красовались массивные неформальные часы «Франк Вилла» на кроваво-красном каучуковом ремешке.

– Хорошо зарабатывают юристы! – сказала Ольга.

Она не скупилась делать себе заказы: шашлык, лобио, сырную тарелку, зелень, вино. Максим больше налегал на чай с чабрецом, но для приличия заказал себе шашлык из ягненка на косточке.

– Жру всё подряд и не толстею, на ночь булки жру, представляешь? – тараторила Ольга.

– Везёт! – сказал Максим.

Ольга деловито хозяйничала в заведении, отправляла официанта то туда, то сюда, чувствовалось, что она здесь завсегдатай. Ольга опять закурила. Максим не любил курящих женщин и обычно делал своим спутницам замечания, но сейчас, конечно же, промолчал. Шашлык оказался не плохим.

– А в районных заведениях борются за клиентов! – сказал Максим.

– Конечно, ведь сюда только свои ходят!

В кабинке было уютно, через открытые окна дул лёгкий летний ветер.

– Да, кстати, не хочешь пыхнуть, у меня есть? – спросила Ольга.

– Нет, уже лет пятнадцать как я оставил это занятие, – сказал Максим.

– А зря... рекомендую о-ч-ч-ч-ень недурственный ганджубас! – неестественно смеясь, еще раз предложила Ольга.

– Не сомневаюсь! – ответил Максим, уже не впервой заметил, как при смехе лицо бывшей возлюбленной на щеках, в уголках глаз, рта покрылось множеством мелких морщинок. «Да, годы, курение одной сигареты за другой, образ жизни, ганджубас дают о себе знать и могут, несмотря ни на какие танцы и многолетнюю работу над своим телом загубить любую красоту» – подумал он. Максим для себя уже решил, что больше не будет видеться с Ольгой, и дело было не в её поведении, возрасте и ганджубасе, он просто понял – она не его человек.

Максим довез Ольгу до дома.

– Если захочешь лет через тридцать увидеться звони! – сказала она.

– Береги себя! – ответил ей на прощание Максим.

«Поняла мое настроение», – решил он.

«Еще раз убедилась в том, что все одинокие мужики к сорока годам козлы!» – подумала Ольга.

После безрезультатного общения с бывшим предметом своих вздыханий Максим решил «пойти по запасному варианту», который в виде шутки ему предложил Палыч. У Ольги была родная сестра, девятью годами моложе ее. Максим помнил ее ребенком, тогда она только пошла в школу. Эта пышноволосая кудрявая девочка в будущем обещала стать красавицей.

Сейчас Насте, так звали сестру, было около двадцати пяти. «Самый смак!» – нашептывал Максиму змей-искуситель Палыч. Из анализа распечатки телефона Оли следовало, что сестры общаются редко. «Значит, нет общих интересов – это уже хорошо!» – решил Максим. Он не стал копаться в биографии Насти, заказывать форму

№ 1, энтузиазм что-то пробивать и узнавать у него прошел. Максиму достаточно было номера ее мобильного и места, где работает, которые он знал из справки по Оле.

Наметив увидаться с Настей, Максим, говоря языком московских деловых кругов, «добивал вопрос» по Оле. «Вдруг Настя – это Оля в молодости, только более смышленная?» – думал он. Максиму было интересно встретиться с Настей именно так, вслепую, не имея представления о ее теперешней внешности. «Так будет более интригующе!» – решил он.

Максим был коммуникабелен и, когда ему требовалось, легко налаживал контакт с незнакомыми людьми. Наговорив Насте по телефону кучу комплементов, в контексте с которыми было упомянуто название организации, где она трудилась (якобы там он первый раз был пле-

нен её чарами), Максим с легкостью договорился о встрече. Он должен был подъехать на стоянку перед входом в парк Горького, в администрации которого работала Настя.

Несмотря на то, что сестры общались мало, чтобы не быть идентифицированным, а также ради прикола, Максим решил «шифрануться». В парке его машин для особых случаев в работе имелась малоприметная бронированная чёрная «Волга». Готовясь предстать перед Настей, Максим придумал себе новый образ – он бомбила; соответствующе был подобран и гардероб: мешкообразные брюки, дешёвые туфли под питона, теплая клетчатая рубашка навывпуск. Порывшись в своих вещах, Максим откопал несколько необходимых для довершения нового имиджа элементов: массивную золотую цепь, перстень-печатку и самое важное – барсетку. «Пригодилась все-таки амуниция начала девяностых!» – подумал он.

В этом маскараде Максим прибыл к парку Горького, позвонил Насте, сказал, где и на какой машине её ожидает.

– Поняла, выхожу! – сказала Настя.

«Волга» её не смутила... кстати, голоса у сестёр похожи», – подумал Максим. Он с любопытством всматривался в каждую проходящую мимо девушку и чуть было не выскочил одной навстречу, приняв её за Настю, однако девушка прошла мимо. «Вот был бы приколом, если бы я всё-таки вылез и попытался открыть ей дверь, а Настя это увидела!.. Нет, уж лучше тут сидеть ждать!» – решил он.

Между тем неподалёку остановилась полицейская машина, из неё вышли два стража порядка и направились к Волге Максима. «Целенаправленно», – подумал он.

– Ваши документы? – спросил один из них, молодой лопухий старший сержант.

У Максима была масса ксив: часть левых, но качественных от разных ужасных ведомств; часть реальных, которые он действительно официально получил. Покупая ксивы, он не скупился, временами они выручали его в работе и в быту.

Максим потянулся в карман за удостоверением. «Стоп, вдруг это её работа? Уж больно целенаправленно подтянулись мусора! Покажу ксиву – не прокатит приколом с таксистом» – пронеслось у него в голове. Максим сам так часто поступал, просил знакомых сотрудников «пробить» документы, когда встречался с неизвестными и подозрительными людьми. В основном такие проверки проводились в известном фешенебельном отеле, который курировал его приятель из ОПУ ФСБ. Тот, в свою очередь, оставаясь в тени, просил местных полицейских, и они, за небольшое вознаграждение, устраивали долгий муторный маскарад с проверкой всего и вся. Но это случалось на работе, когда Максим чего-то опасался.

«Может быть, кто-то из этих мусоров её хороший знакомый?» – подумал Максим.

Он показал полицейским своё водительское удостоверение, документы на «Волгу». Стражи порядка их долго изучали. Лопухий что-то выписал себе в блокнот.

– Чем вызвана проверка? – спросил Максим.

– Угнали такой же автомобиль, – ответил лопухий.

Закончив с Максимом, полицейские укатили восвояси.

Спустя несколько минут к «Волге» подошла худенькая светловолосая девушка в сером брючном костюме и согнутым указательным пальцем слегка постучала по боковому стеклу. Максим, как истинный джентльмен, вышел из автомобиля и открыл даме дверь. Настя мгновение колебалась: присаживаться ей в машину или нет, затем сжав губы (Максим это заметил), уселась. Чтобы не пугать девушку, Максим не стал заводить мотор. Настя внимательно на него смотрела.

– Я вас до этого не встречала и это совершенно точно, – сказала она.

– Во-первых, это не совсем верно, мы всё-таки встречались. Во-вторых, давай на «ты», мы ведь по телефону уже так общались и это тоже совершенно точно! – ответил Максим с улыбкой.

– Хорошо! Откуда знаешь мой номер?

- Если скажу откуда – подведу группу людей, а это не совсем хорошо.
- Каких людей?
- Трудящихся.

Максим успел рассмотреть собеседницу. Сходство с Ольгой, конечно, присутствовало, те же черты, но несколько удлиненные и из-за этого лишённые привлекательности. «Вот почему она так легко согласилась на встречу, у бедняги нет кавалеров, – подумал Максим, – но взгляд у неё разумный, гораздо более осмысленный, чем у сестры».

- Странно это как-то, – сказала Настя.
- Договоримся сразу: ты больше не спрашиваешь, как я тебя нашёл. Поверь на слово – я человек порядочный и не совсем посторонний.
- Предположим, поверила.
- Хорошо! В пяти минутах езды отсюда в районе Смоленки есть ресторанчик с летней верандой, предлагаю общение перенести туда, не против?
- Согласна.

Настя внешне не понравилась Максиму. Но из-за соображений деликатности, а также некоего любопытства и интриги, он решил продолжить знакомство.

Максиму пришла мысль поехать в М. Таких мест, претендующих на пафосность и элитарность, в Москве масса, там имелась большая летняя веранда, и он располагался неподалёку. Максим знал хозяев заведения, когда-то давно присутствовал на его открытии, имел большую скидку. Максиму понравилась идея появиться в ресторане в своем маскарадном костюме. Также хотелось понаблюдать за Настей в этой кажущейся ему забавной обстановке.

Припарковав «Волгу» у чьей-то раскрашенной под рептилию «Бентли», взяв Настю за руку, Максим уверенно зашёл в ресторан. Здесь их встретила девушка-хостес. Максим заметил на её лице долю растерянности, всё-таки не каждый день сюда приходили гости в подобных костюмах. Однако, рассмотрев Максима, чье лицо девушке показалось знакомым, также оценив его спокойствие завсегдатая, она провела пару за небольшой уютный столик в углу веранды.

- Мы здесь, как Киса Воробьянинов и его дама! – озираясь по сторонам, сказала Настя.
- Забавное сравнение! – усмехнулся Максим. Неподалёку от них за столик долго усаживалась девушка с огромнейшими силиконовыми губами и маленькой собачкой.

Максим показательно выложил на стол барсетку, поправил на пальце отвратительный перстень. «Прикольная ситуация», – думал он.

- Не переживай! Всё устроим! У меня здесь работает друг официант. Вот, кстати, он идет. Рикс! – Максим громко обратился к долговязому, худому, с чёрной испанской бородкой официанту.

Официант направился к их столику. Максим слегка наклонился к Насте.

- Ты не против, если я сделаю заказ? – спросил он её.

Настя кивнула в знак согласия.

- Здравствуйте, мои дорогие! – учтиво поприветствовал их долговязый официант. Чувствовалось, что он считал себя асом своего дела и поэтому позволял себе некую специфику в обращении.

Максим, посоветовавшись с Настей, назвал ему несколько блюд, а также попросил на всякий случай принести ей плед, к вечеру холодало.

- Откуда ты его знаешь? – спросила Настя, когда долговязый удалился.
- Снимали вместе квартиру в Печатниках, – придумал сходу Максим.
- Необычное у него имя, оно реальное?
- Не думаю, хотя кто его знает? – сказал Максим, ему как-то вдруг стало стыдно разыгрывать девушку, он решил особо не вживаться в образ таксиста.

Между тем к даме с собачкой подсели две высокие загорелые подруги. Таких девушек в Москве пруд пруди. Разукрашенными губастыми истуканами они торчат в подобных ресторациях. Между девушками сходу завязалась оживленная беседа. До слуха Максима донеслось: «Бордовый «Роллс-ройс Фантом».

На дам обратила внимание и даже прервала свой разговор, сидящая неподалёку группа кавказских мужчин с причёсками-горшками а ля молодые «Битлз».

– Тебе здесь нравится? – спросил Максим Настю.

– Странные ощущения, но скорее – нет.

«Хорошая, неглупая девушка», – подумал Максим, – жаль, что некрасивая».

– Что скажешь о наших соседках? – спросил он.

– Много силикона.

– Согласен. С этими губами они похожи на карпов, у них и психология карпов, начнешь с ними общение, они тут же потребуют корм.

Карпы почувствовали, что вызвали интерес у странной пары напротив. Мгновенно оценили одежду и косметику Насти, заметили барсетку и ответили холодным рыбьим презрением.

– Ярмарка тщеславия – тихо промолвила Настя.

– Точная оценка. Молодец! – сказал ей Максим.

В это время между столиков, с гордо поднятой, смотрящей куда-то вверх всего на свете головой, прошествовала очень длинная, тёмная от загара, высушенная как вобла, уже не молодая дама лет сорока с такими огромнейшими губами, что даже опытный Максим замер от удивления. Кавказские мужчины вновь прервали свой разговор. За дамой плёлся крупный короткостриженный охранник.

– Ну это совсем уж гротеск. Сегодня что-то засилье карпов, всплыл особо мощный подвид, – сказал Максим.

Вскоре появился гибкий Рикс с подносом и пледом, умелыми движениями всё ловко и аккуратно разложил и вновь убежал куда-то.

– У тебя проверяли документы по моей просьбе, – сказала вдруг Настя. Я согласилась на встречу, но потом забеспокоилась. Подруга по работе предложила посоветоваться с мужем, который служит в местном ОВД. Он сам вызвался проверить документы. Извини, что я так поступила.

– Ничего... бывает, – ответил Максим.

После ресторана он довез Настю до метро «Смоленская» и исчез из её жизни также неожиданно, как и появился. Через какое-то время Максиму от Насти пришло СМС сообщение: «Я хочу продолжить знакомство». Максим на него не ответил. «Зачем морочить девушку», – решил он.

Так ветер напомнил нам про живые чувства Максима. Ветер, ты можешь многое, но почему не в твоей власти сдуть с людей внешнюю оболочку и показать на свет их душу, тогда бы расфуфыренные куртизанки походили на вылезших из трясины жаб, Максим напомнил паука, а честные, добрые люди светились как ангелы.

Сейчас Максим шёл по вечерней Москве, шёл, куда глаза глядят, шел без особой цели. Давно с ним такого не было. В его душе зияла прореха, и он не знал, как жить дальше.

Казалось, что после поездки в Сергиев Посад ситуация изменится, но всё опять вернулось на круги свои.

Движение в сторону веры было робким и большей частью искусственным. На службах в храме мысли его гуляли, они касались чего угодно: работы, предстоящих поездок на отдых и даже девушек. Максим читал молитвы, но делал это почти всегда механически, редко сердцем чувствуя их смысл. Хождение в церковь, помощь людям у него походили на ритуал, на своеобразное заманивание удачи. Максим понимал неискренность своих действий. «Но лучше делать

что-то, чем не делать ничего! – думал он. – А что, собственно, я сделал? У меня осталась та же работа, то же окружение, те же соблазны».

Большой спектр деятельности Максима лежал за гранью закона, либо в пограничной близости от неё. Он занимался обналом, конвертациями и прочими финансовыми схемами и, как многие трудящиеся в этой сфере, время от времени кого-то кидал, когда складывалась подходящая мутная ситуация. И вот только недавно он задумался над дальнейшей судьбой бедолаг, чьи деньги им были присвоены. Бесспорно, от Максима пострадала масса людей, кого-то заставили возвращать эти суммы, «сделали крайним», «нагрузили», «пустили под пресс». Быть может, кто-то, находясь в безвыходном положении, не зная как вернуть огромные суммы, наложил на себя руки. Задумавшись и осознав чудовищность результатов своей деятельности, Максим ужаснулся. Конечно же, заработанные таким путём деньги не принесут ему ничего, кроме разочарований! Остальная часть бизнеса Максима была не лучше. Имея связи в арбитражных судах, судах общей юрисдикции, в прокуратуре, МВД и прочих госорганах, Максим превратил их в средство защиты своего первого бизнеса, а также в оружие ведения корпоративных войн. У него была группа бойких юристов, заточенных на решение данных проблем. Он был известен на рынке рейдерских услуг, к нему обращались. Он был в своем роде кондотьером, наемником, продающим ряд боевых грязных опций. Его нанимали, перекупали, частенько подставляли, бросая в горнило жестоких междоусобиц. Как истинный кондотьер, он при случае принимал сторону того, кто платит больше. Бывало, в течении какой-либо особо затянувшейся корпоративной бойни Максим по несколько раз переключивался из стана в стан. Он был востребован там, где шла рубка, война за активы и если противник падал, Максим с остервенением участвовал в дележе его собственности.

«Типичный мородер» – сказал о нем один известный предприниматель. Максим и внутренне ощущал себя кондотьером. Его любимыми кинофильмами были «Миссия» с Робертом Де Ниро в главной роли и «Капитан Алатристе» по роману испанца Артуро Переса Реверте». Максим одновременно мог участвовать в нескольких конфликтах. Когда на стоянке сожгли одно из его любимых эксклюзивных авто, предварительно избив и связав сторожа, Максим не мог понять от кого именно ему прилетела эта ответка. Существование Максима было беспокойным, он жил как на вулкане. На Максима и его партнеров возбуждали уголовные дела, он подыскивал на своих врагов статьи в уголовном кодексе. Максим делал заказные публикации в СМИ, его в свою очередь пару раз обливали грязью со страниц газет. Словом, репутация у него была более чем скандальная, за его спиной висел тяжеленный мешок грехов. Случалось, Максиму угрожали, и он вынужден был перемещаться с охраной.

Сейчас охраны не было. Она осталась ждать Максима у «Савоя». Он же шел вниз по Театральному проезду. Напротив Большого театра Максим спустился в подземный переход и вышел на другую сторону улицы. На автостоянке сбоку «Метрополя» он увидел два чёрных «Порше Кайен». Машины были с синими милицейскими номерами, мигалками; на пущенной сбоку кузова синей полосе Максим прочёл «Спецрота». «Ярмарка тщеславия» – настолько точное определение дано этому явлению, – подумал он, – создана система, когда одни уже просто не знают, что делать с деньгами, другие, крупнейший пласт населения, – еле сводят концы с концами».

Здоровый психически человек не может долго внутренне себя разрушать и как только появляется отвлекающий внешний фактор – «Порше» с мигалками – Максим, несмотря на то, что камень на сердце никуда не делся, переключился с критики себя на критику общества.

«Идеологией жизни человека сейчас является: «Бери от жизни все», бери любой ценой и как можно больше. Бери больше – прячь подальше. Украл много – молодец, мало – думай, крутись. Примеров чему масса: вся политическая и экономическая элита страны.

Ствол данной системы и отходящие от него ветви самых разных структур абсолютно гнилые. Чтобы сбить запах тлена древо обернули фантиками псевдо-идей: демократии, правопо-

рядка, толерантности, инноваций и прочей фальши. Единственный идеал системы – прибыль, остальное – прикрытие, маскирующее гнилость. Обитатели данного древа-системы либо ведут жизнь червей и насекомых, поедая друг друга и древо, которое неминуемо рухнет, либо пассивно наблюдают за общей жратвой, не имея возможности в ней участвовать.

Те, кого исторически называли ворьём, теперь «герои нашего времени». Можно безнаказанно украсть миллионы, миллиарды, а если поймали за руку – откупиться, ведь вокруг такие же, которые также жаждут денег.

Маскировка стяжательской системы, комиссии, создание общественных палат и прочей бурды настолько примитивна, насколько смешны декларации о доходах наших чиновников (почитаешь – умрешь со смеху). И если чиновники вынуждены хоть как-то притворяться бессребрениками, то коммерсанты этого делать не обязаны. На виду нищего населения некоторые особи цинично куражатся, бесятся с жиру, выкидывают заработанные воровским образом деньги на ветер, реализуя свои детские и подростковые фантазии. Люди, на профессиях которых всегда держалась страна, сейчас – «неудачники», «простофили», «не умеющие жить», не смогли сориентироваться и поэтому остались вне игры.

Понятие справедливости начисто отсутствует в данной системе. И парадокс в том, что такие как Максим, те, кто действительно плоть от плоти, даже худшая часть подлой системы, критикуют и ругают её. Очень и очень многие включились в систему. Кто берет взятки, кто ворует нефть и газ, кто торгует нижним бельём, кто обирает гастарбайтеров – большинство осознает уродливую сторону своих действий, но можно ли добровольно отказаться от заработка, от метода выживания в такие времена? И кого не спроси – все против системы стяжательства. Любой коррупционер (крупный тем более, он информирован, знает вопрос, принципы работы механизмов системы) скажет вам, что это безумие и безобразие и давно пора наводить порядок. Как? Правила игры в системе – каждый отстаивает свой личный, шкурный интерес. Любая борьба за справедливость, если не несет чьего-нибудь экономического интереса, не вписывается в систему эгоистичного существования. Согласно её правилам патриот своей страны – белая ворона, чудак.

Сейчас ругают МВД, медицину, образование и прочие структуры, но прогнили не они в отдельности, а вся система, в которой нет идеологии кроме «Бери от жизни всё».

Как-то знакомый прокурор одного подмосковного города, смеясь, говорил о прошедшем плановом антикоррупционном совещании, на котором выступали, задавали тон основные местные коррупционеры: руководство администрации, полиции, прокуратуры.

Бывает, коррупционеров ловят и уже тогда трубят об этом что есть сил, рапортуют, отчитываются. Ловят тех, кого слили, кто оказался глупей, кто попал под раздачу, и ловят такие же, если не хуже. На попавшихся бедолаг вешают всех собак. Но эти действия можно сравнить с каплей в море. Мы имеем дело не с частными случаями, а с системой, где стяжательство основополагающий фактор. Человеческие ценности перевернули с ног на голову, и в результате произошло общее безобразие.

Некоторые говорят, что все беды нашей страны заключаются в том, что мы дремучая, грубая, отсталая нация, что нас надо просвещать, приучать к цивилизации, к демократическим ценностям, как дикарей-индейцев, как варваров. Как правило, так рассуждают деятели, которые стояли у зарождения подлой системы в нашей стране, те, кто нам её навязал. Это они так мыслят о народе, который разгромил Наполеона, Гитлера и первым запустил человека в космос. Они говорят, что взяточничество было характерно для России всегда, но именно за время их власти, за эти пару десятилетий из нашей страны было вывезено ценностей больше, чем за все столетия вместе взятые. Когда такие типы начинают разглагольствовать о коррупции и несправедливости, им надо, по словам профессора Преображенского, лупить себя по затылку, ведь они сами её ввели.

Им организованно вторит всякий сброд – это так называемые правозащитники, которые защищают чьи угодно права: секс-меньшинств, педофилов, сектантов, но только не основной массы населения; «продвинутые» деятели культуры, чья деятельность заключается во внедрении разврата в массы; члены общественных организаций и фондов, как правило, имеющих западные корни; скользкие журналисты, холопы европейско-американского образа жизни. Эта публика – удавка на шее России, давно связанная, накинута и затянутая. Они вдохновители и стражи разрушительных для нашего этноса идей. Если появляется кто-то, высказывающий здравую мысль, к примеру, запретить мат по телевидению, они тут же начинают обсуждать, критиковать и доводят эту мысль до абсурда.

Они болтаются по разным передачам, ток-шоу, радеют якобы за свободу творчества, за свободу выражать свои мысли. К примеру, если педофил описал в книжке свою большую похоть, эта публика вам скажет – это его право, он так видит мир. Подобную свободу правильно назвать свободой разложения. Она рушит ориентиры, понятия добра и зла. Как чёртик из шкатулки выскочило племя псевдотворцов, чье «творчество» обращается к самым низменным чувствам. Их аргумент – народу нравится, людям интересно на это смотреть. Но если на Красной площади поставить баню и в её стенах проделать отверстия для наблюдения – выстроится очередь из желающих увидеть запретное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.